

МАРА

ТЕНЬ И СМЕРТЬ

ОТНЫНЕ И ВОВЕКИ

И МОРОК

500 ЛЕТ
НАЗАД

ЛИЯ АРДЕН

Лия Арден
Мара и Морок. 500 лет назад
Серия «Мара и Морок»
Серия «Охотники за мирами»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65019251

Мара и Морок. 500 лет назад: Эксмо;

ISBN 978-5-04-118416-2

Аннотация

В прежние времена персонажи из сказок были реальны и встречались смертным едва ли не каждый день.

Я много путешествовал, собирая легенды, слухи и даже откровенные небылицы о Марах и Мороках. Однажды я наткнулся на историю одной Мары, которая жила приблизительно за три сотни лет до исчезновения всех служительниц богини Смерти.

Её настоящее имя намеренно скрывали, и я уверен, что эта история вышла особенной, потому что семья девочки не смогла выполнить главное правило – покинуть родные места.

Малахий Зотов

Содержание

От автора	5
Пролог	6
1	8
2	18
3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Лия Арден

Мара и Морок.

500 лет назад

© Арден Л., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*Эта книга посвящается всем тем,
кто не захотел отпускать Мару и Морока.*

От автора

Дорогой читатель! Данная книга является третьей в цикле «Смерть и Тень», но она же и отличается от основной дилогии, состоящей из книг «Мара и Морок» и «Мара и Морок. Особенная Тень».

Желающие могут без волнений закончить знакомство с циклом на второй книге, так как первоначальная дилогия является завершённой историей. Третья часть – дополнительная книга для всех, кто хочет больше узнать о мире.

Здесь новые герои, новые проблемы и другая история. Несмотря на то что события в этой книге происходят раньше, чем в дилогии, читать третью часть нужно последней. Только в таком случае будут ясны детали диалогов и рассказанной истории. В противном случае они останутся непонятными. Приятного чтения!

Пролог

Я много путешествовал, собирая любые истории, легенды, слухи, даже откровенные рассказы о Марах и Мороках. И однажды мне попалась удивительная находка.

И чем дольше я копался в этой истории, тем больше поразительных совпадений находил. Я до сих пор не могу быть точно уверен в правильности своих выводов, потому что детали были намеренно стёрты, а история этой Мары на первый взгляд одна из самых непримечательных и даже странных.

Эта девочка жила приблизительно за три сотни лет до исчезновения всех Мар. Тогда не существовало Серата и Аракена. Территория этих королевств в тот период была разделена между пятью княжествами: двумя на севере и тремя на юге. Изначально все князья воевали и соперничали между собой, но со временем за счёт некоторых культурных различий, верований и повседневных привычек, под воздействием климатических условий произошло разделение на северную и южную стороны.

Так южные княжества Яратское (главный город Ярат), Соленское (главный город Соленск) и Аракенское (главный город Аракен) начали поддерживать друг друга и сотрудничать, стоя против северных княжеств. На севере были Ашорское княжество (главный город Ашор) и Сератское

(главный город Серат).

История той Мары произошла в непростое время, когда все княжества оказались на пороге изменений, а большинство сказок были реальны и встречались смертным едва ли не каждый день. Сейчас хоть Мары и исчезли, но трудностей с нечистью у людей в разы меньше, чем было раньше. Ныне города у нас многолюднее, каменные стены крепче, а факелы горят даже по ночам, отпугивая оставшуюся нечисть и не давая ей прятаться в сумраке улиц.

В старые же времена люди обвешивали дома оберегами, не забывали захватить полынь против русалок, если шли к водоёму, и верили, что призраки могут захватить живого человека, если не защитить голову украшенной лентой.

Узнавая трудности судьбы этой Мары, я в очередной раз убедился, что у любых правил есть исключения. А если втянуты боги, то эти исключения чаще случайные, чем намеренные. И что бы кто ни говорил, я уверен, что её история вышла особенной и по-своему увлекательной, потому что семья этой Мары на моей памяти единственная, которая не смогла исполнить первое правило – покинуть место жительства и переехать, дабы юной служительнице богини не взбрело в голову сбежать домой. И вся загвоздка была в том, кем девочка являлась на самом деле.

Малахий Зотов.

Забывтое о Марах и Мороках

– Вот же дрянь!

Я не хотела этого говорить, но фраза вылетает сама собой, когда я падаю лицом прямо на трухлявые сучья и влажный мох. Мне повезло. Буквально пару сантиметров вправо – и я разбила бы голову о камень. Руками упираюсь в землю, и к ладоням моментально прилипают грязь и старые листья.

– Не ругайся, – насмешливо говорит Ясна.

Едва успеваю откатиться в сторону, когда упырь в попытке впиться мне в шею сам с размаху врежется головой в булыжник. Морщусь, слыша треск костей, однако тварь не реагирует на боль. Нос, челюсть и несколько зубов сломаны, изо рта мертвеца капает вязкая, гнилая кровь. Я вскакиваю на ноги буквально на пару секунд раньше, чем это делает упырь, чтобы вновь броситься на меня.

Шарю взглядом по мху в поисках обронённого оружия. Уклоняюсь и уворачиваюсь, лишь бы не попасть под острые зубы и обломанные, но длинные ногти, что нежить с радостью вонзит мне в кожу и мышцы, если успеет схватить.

Ясна не помогает. Только лениво вгоняет короткий кинжал в шею одному из трёх мертвецов, который всё-таки заметил, что здесь не одна Мара, а две. Сестра распарывает тонкую кожу шеи, после за одно движение разрезает нити жизни, и тварь падает у её ног. Ясна брезгливо встряхивает

рукой с кинжалом, дабы избавиться от крови, но одежда уже испачкана.

– Не желаешь помочь? – иронично спрашиваю я и со всей силы пинаю ближайшего упыря по голени. Тот теряет равновесие и падает.

Не успеваю размозжить его голову ботинком, как второй бросается на меня, и я отскакиваю в сторону, намеренно огибая кривую сосну. Ясна смеётся, наблюдая за этой незатейливой игрой в догонялки. Она на восемь с небольшим лет старше меня, хотя внешне не меняется с восемнадцати.

– Тебе и без меня весело. Осталось всего лишь двое, – беззастенчиво отвечает она.

Взглядом натыкаюсь на блеск стали среди сосновых шишек. Мой красный плащ цепляется за ветки кустарника, но я продираюсь вперёд, на ходу пригибаюсь, подхватывая топорик за дубовую рукоять. Разворачиваюсь и круговым движением опускаю оружие на голову преследующей меня твари – размахиваюсь с максимальной амплитудой и вгоняю лезвие ровно в центр лба. Водянистые глаза упыря закатываются, он ещё несколько раз открывает и закрывает порванный рот и только после этого оседает на землю.

– Нити, – громко напоминает Ясна, а я бросаю на неё выразительный взгляд, потому что и так тянусь за ними.

В этом году я закончила официальное девятилетнее обучение. Уж за такой срок невозможно не запомнить главное правило. *Пока целы нити жизни, мертвец может поднять-*

ся.

У этого упыря одна из трёх нитей всё ещё сверкает живым золотистым светом, но лишь до момента, пока я не перерезаю её ножом. Та меркнет и исчезает, а мертвец грудой полусгнившей плоти остаётся лежать под ногами. Второй, которого я сбила ранее с ног, пошатываясь, поднимается. Теперь у него сломана не только челюсть, но и часть черепа. Вновь упал на камень. Однако это не мешает ему снова напасть. Я размашистым движением топорика отрубаю ему кисть, которой он тянется к моему лицу, и втыкаю нож в глазницу. Невольно вдыхаю запах полуразложившейся плоти, и меня начинает мутить. Я ведь только недавно поела, совсем не рассчитывая на встречу с мертвецами.

– Молодец! – с довольной улыбкой хвалит меня Ясна, а я отвечаю ей хмурым взглядом.

– Спасибо за помощь, сестра.

– Не будь такой, я ведь действительно помогла, – надувает губы Ясна и демонстрирует мне грязный рукав.

Вместо ответа я проверяю оставшихся мертвецов и перерезаю их нити жизни. В другой раз мы свалили бы их в кучу, сожгли или хотя бы закопали, чтобы деревенские дети не наткнулись на трупы. Но сейчас у меня нет ни времени, ни желания с этим разбираться.

Ясна словно с приклеенной улыбкой наблюдает, как я принохиваюсь, ища, в какую сторону идти. Нам и так прекрасно известно, где находятся ближайшие озёра, но мне нужно

особенное. Чую тонкий, сладковатый аромат цветущей липы, я моментально устремляюсь туда. Сестра не задаёт вопросов и следует за мной.

Пять минут я целенаправленно шагаю по пружинящему мху, двигаясь к границе леса. А как только замечаю длинноволосых девиц под цветущим деревом на берегу озера, срываюсь на бег. Они не сразу замечают моё приближение и пускаются врассыпную, только когда я хватаю одну из них за волосы и бесцеремонно стаскиваю с ветки дерева. Русалка визжит, её сестры подхватывают и поднимают вопли, хотя их я не трогаю. Мерзавка не стесняется царапать мне руку, пока я стискиваю в кулаке её русые волосы. Она как дикий зверь верещит и брыкается. Я охаю, неожиданно получив болезненный удар в живот, и разжимаю пальцы. Нечисть пользуется свободой и пытается удрать, но чёрта с два ей удастся меня одурачить. Я дёргаюсь вперёд и хватаю её нити жизни, русалка моментально замирает, боясь даже шелохнуться, знает, что теперь лучше смирно стоять на месте.

Её сестры, забравшись в воду, держатся на безопасном расстоянии, шипят на меня, хотят помочь своей мёртвой подруге, но Ясна встаёт рядом со мной, обнажая короткий прямой меч.

– Притихли! – командным голосом приказывает она. Нечисть моментально прикусывает языки, прекращая скалиться, и теперь уже внимательнее осматривает наши красивые одежды.

Я удовлетворённо киваю, когда на прекрасных девичьих лицах появляется всё больше неуверенности и страха. Теперь они робко жмутся друг к другу, отодвигаясь от нас подальше. Некоторые и вовсе по пояс залезают в воду, готовые в любой момент скрыться.

– Ну ты и дрянь! – вновь говорю я, встряхивая русалку за нити жизни.

Она начинает канючить и рыдать, обильно роняя драгоценные слёзы на белое кружевное платье, почти такое же, как и на остальных мёртвых девушках. На вид ей лет семнадцать, большие голубые глаза, шелковистые русые волосы и жалобно трясущаяся нижняя губа. Босыми ногами она нервно приминает траву, дожидаясь возможности улизнуть. Вся эта напускная невинность меня не обманет. Стоит только отвлечься, как она опять начнёт верещать и вцепится мне в лицо ногтями.

– Я вытащила из твоих волос полынь, пока ты выла и каталась по мху! А в ответ как ты мне отплатила?! – Меня окутывает злость, рука трясётся, и я едва сдерживаюсь, чтобы не оборвать жизнь девицы до конца.

Как и у остальных русалок, из трёх нитей жизни две продолжают сверкать, но обитательницы вод всё равно нечисть. Были убиты или сами утопились в этом озере. Несмотря на их близость к потустороннему миру, целенаправленно русалок мы не убиваем. Они считаются в меру разумными и скорее зло шутят над смертными, чем специально вредят. Хотя

мы строго запрещаем убивать людей, и если русалка замечена за подобным или же сходит с ума, становясь жестокой, а деревенские попросят нас от неё избавиться, то так мы и поступим.

И что дёрнуло меня помочь этой девице?

Пусть бы и дальше плакала, неспособная прикоснуться к траве, что жгла ей кожу головы. Может, и поделом было. Небось приставала к какому-то человеку, а у того был пучок полыни, как оберег от подобных ей.

– Отпусти её, Мара, – неуверенно подаётся вперёд одна из других русалок. Вероятно, старшая среди своих сестёр. – Она ничего не сделала тебе. Людей она не топила. Сейчас наше время, на Русальной неделе даже в деревни позволено ходить!

– Верни то, что украла, – чеканю я своей русалке, игнорируя слова её сестры.

Та подчиняется, поднимает трясущуюся руку и медленно разжимает пальцы, демонстрируя мою подвеску. В центре серебряная лунница¹, заключённая в круг, а по краям нанизанные на кожаный шнурок жемчужные бусины. Другие девицы ахают и возбуждённо перешёптываются.

– С ума сошла?! – рявкает старшая на русалку, которую я продолжаю удерживать. – Совсем мозги водой наполнились? Кто же крадёт у прислужниц Мораны?!

¹ Украшения в форме лунного полумесяца. Символ женского начала и плодородия. (Здесь и далее прим. авт.)

Не отпуская пленницу, я выхватываю у неё своё ожерелье. Та плачет пуще прежнего, лепеча оправдания:

– Блестело оно, я не... я не знала, оно просто красивое...

Ясна рядом устало вздыхает, слушая рыдания. Мы обе знаем, что русалке не стыдно, она не сожалеет. Просто тряcётся за свою шкуру, и не более. Понимает, что на жалость давить надо, но мы не раз встречали подобные трюки.

– Дура! Никогда не кради у той, что даже летом продолжает пахнуть зимой! – отчитывает её старшая, а потом переводит взгляд на меня. – Прости её, Мара. Дурёха она совсем. Взгляни на волосы! В них нет и намёка на зелень. Совсем недавно она утопилась.

Я нехотя перевожу взгляд на русые пряди. Она права. Чем дольше русалка мертва, тем зеленее её космы. Эта же словно живой человек. Даже щёки румяные, а кожа лишь немного бледнее, чем у обычной девушки. Всё это никак не смягчает моего настроения, но я всё же с самого начала не планировала её убивать. Если мне удалось её запугать, то этого пока хватит.

– Чтобы больше такого не повторялось, – сухо предупреждаю я и отпускаю нити.

Русалка за секунды притко устремляется к воде и поднимает тучу брызг, ныряя в спасительное убежище. Остальные следуют за ней, страшась, что мы можем передумать. Лишь старшая окидывает нас с Ясной долгим взглядом и медленнее своих сестёр исчезает под водой.

Мои плечи поникают, я чувствую усталость, скопившуюся

ся за сегодняшний день. До заката осталась ещё пара часов. Мы всего-то вышли поискать ягоды и травы. Ни я, ни Ясна не рассчитывали встретить русалку. Мы ей помогли, а та в ответ меня обокрала и привела к нам упырей, замечая следы. Сестра подходит к озеру и моет в воде руки, полощет рукав, пытаясь избавиться от кровавых пятен. Русалкам это точно не по нраву, но те даже голов больше не высовывают. Я вновь поворачиваюсь к цветущей липе, на чьих ветвях так любит сидеть озёрная нечисть.

– Это ведь его? Поэтому ты так разозлилась? – тихо интересуется сестра, когда молчание затягивается.

Она не смотрит на меня, а вопрос задаёт как бы невзначай. Однако я уверена, что она знает ответ и как много это ожерелье значит для меня.

– Да. Это он сделал. Его последний подарок, – ровным голосом отвечаю я, стараясь не думать о прошлом.

– Серебро местами потемнело. – Ясна подходит ближе и критично осматривает украшение. – Да и кожаный шнурок бы заменить, раз русалка так легко сорвала с твоей шеи. Давай я отдам его Море, ты знаешь, что она аккуратна с украшениями.

Я шумно выдыхаю, когда сестра медленно вытягивает ожерелье из моей руки и прячет во внутреннем кармане красного плаща.

– Не говори...

– Я не стану говорить, что это от твоего брата, – с полу-

слова понимает она. — Хотя глупо хранить подобное в секрете и думать, что они не догадаются.

— Не хочу, чтобы они решили, будто я опять не могу с этим справиться.

В голубых глазах Ясны немая поддержка, она ласково улыбается, вытаскивая несколько сучков из моей растрепавшейся косы. Я с недовольством осматриваю свою испачканную одежду. На нас с сестрой похожие наряды, которые в первое мгновение можно принять за туго подпоясанные платья. Раньше это они и были, но недостаточно быстрая реакция или слишком медленный бег могут стоить нам жизни, поэтому под низ мы надеваем штаны, а платья разрезаны по бокам от самых бёдер, чтобы не стеснять движения. Иногда мы носим мужские наряды — косоворотки и штаны, — но они в разы больше смущают деревенских, поэтому нам пришлось придумать ещё один вариант. Сейчас разрезы скрыты благодаря плащам, и наряды похожи на привычные сарафаны. Но русалки были правы — началось лето, а вместе с ним и Русальная неделя. Близится летнее солнцестояние. В холодный период мы носим утеплённые накидки и кафтаны, а в скором времени и в самых лёгких плащах станет жарко.

— Пойдём домой, Вела, — предлагает Ясна. — Ягоды бессмысленно искать, рано ещё.

Я рассеянно киваю, а сестра по привычке берёт меня за руку и настойчиво тянет в направлении нашего храма, на восток. Ещё несколько раз я оборачиваюсь на пруд. Водная

гладь остаётся спокойной, доказывая, что нечисть не станет даже высываться, пока мы не уйдём подальше.

13 лет назад

Я падаю с нижней ветки нашего дуба. Высота достаточная, чтобы при неудаче я разбила голову, но в итоге лишь на ладонях остаются ссадины от коры. Я сильно пачкаю кафтан, падая на влажную землю. Ночью была любимая нами с братом весенняя гроза.

Плачу, скорее от испуга, чем от боли. Слезы застилают глаза, я перестаю что-либо видеть и продолжаю рыдать. Нос закладывает, и я хватаю ртом воздух, пытаюсь дышать между всхлипами. Кто-то зовёт меня по имени, голов сос становится больше.

– Да это лишь ссадины, Вела! Не плачь! – старший брат нервно озирается, замечая приближающихся взрослых. Ему явно достанется за то, что опять поддержал моё лазанье по деревьям. – Ш-ш-ш! Всё хорошо, давай отряхну.

Он дёргает меня вверх, заставляя подняться на ноги. Я клацаю зубами от неожиданности и на несколько секунд забываю о плаче, но потом всё продолжается.

– Прекрати реветь, Вела! – умоляюще тянет Валад, несколькими движениями отряхивая мою одежду.

В его взгляде появляется паника, он замечает, что я заклёбываюсь слезами и воздухом, не в силах сделать полноценный вдох.

—Гляди на дуб, с которого ты упала, что за птичка там? Ну взгляни же, чёрная какая!

Я запрокидываю голову, потому что плач плачем, а интерес всё же есть. Сквозь слёзную пелену и густую крону с трудом различаю чёрного ворона. Птица чистит перья, не обращая внимания на мои рыдания. Её я знаю. Она принадлежит отцу — передаёт послания. Брат любит возиться с птицами, говорит, что у него выходит их тренировать. Я просила показать, но меня не пускают, боясь, что я сделаю что-то не то и вороны мне выключают глаза.

Валад бьёт себя по карманам, судорожно что-то ищет, а когда находит, демонстративно трясёт этим прямо перед моим лицом. Вещица бряцает и сверкает, отражая солнечный свет. Я перестаю плакать и отвлекаюсь от птицы, разглядывая вещицу внимательнее.

— Вот так! Перестанешь плакать, и она будет твоей, — уговаривает брат, начиная активнее трясти украшением перед моим носом. — Это я сам сделал. Хотел тебе позже подарить.

После нескольких уже неуверенных всхлипов я смаргиваю слёзы и слежу за раскачивающейся на кожаном инуре серебряной лунницей. Речной жемчуг переливается перламутром, полностью завладев моим вниманием, и я не замечаю, как подходят наши няньки.

— Опять по деревьям лазали?! Так и шею свернуть можно, — причитает Арина. Она помогает отряхивать мою

одежду, но мне всё равно, я хватаюсь за украшение.

Я перестала плакать, а значит, оно моё.

– Не нужно всё позволять сестре, княжич! Знаете же, что от рыданий она и в обморок временами падает, забывая дышать. Возраст у неё уже проказливый и непослушный. Знает, что запрещено, а если не хочет быть наказанной – рыдает и притворяется! – поддакивает Ольга.

– Вон весь кафтан и волосы в грязи, а вечером гости съедутся, – не отстаёт Арина, поправляя тонкий платок на своей голове. Валад с натянутой улыбкой слушает их наставления. Раньше мы с ним играли сколько хотели, а теперь что ни сделаем – вечно что-то нарушаем. – Надо всё поправить, пока матушка ваша не увидела.

Я прижимаю к груди лунницу, пряча от чужих глаз. Мы с братом поднимаем одинаковые зелёные глаза на женицин. Те вздыхают, зная все вопросы, что крутятся у нас в головах.

– Нет, мы не скажем ничего вашей матушке, но только если сейчас же княжна пойдёт мыться. Всю одежду заново выбирать нужно! А пока воду нагреем, уже и до прибытия гостей немного останется, – рассеянно вскидывая руки, напоминает Ольга.

С утра меня и брата уже вымыли и придели к встрече с сератским князем и его семьёй. Чудесное событие намечается. Давно уже семьи Ашорского и Сератского княжеств не воюют и не спорят. Все желают объединиться, чувствуя, что легче будет противостоять южным сосе-

дям: Яратскому, Соленскому и Аракенскому княжествам.

И теперь, когда подрастают дети, все шепчут о слиянии княжеств и о браке Валада ашорского с Алией сератской. Говорят, что при рождении брата в нашем доме были волхвы. Пророчили большое будущее и процветание всему северу, где во главе будет великий князь Валадан.

Брату недавно исполнилось десять, а Алие всего восемь. Сегодня они впервые встретятся и спустя годы вступят в полноценный брак. Однако объединение, судя по шёпоту взрослых, – дело сложное и займёт много лет.

– Тогда помогите Веле, – то ли просит, то ли приказывает брат.

Няньки ворчат, подхватывают меня под руки и насильно ведут к баням. Я не хочу снова мыться, но Арина и Ольга правы. Родители разозлятся и, может, даже запрут меня в комнате в назидание. Но я хочу взглянуть на княжну сератскую. Да и вкусного наготовили так, что всю ночь грохот на кухне не стихал, а дом княжий полон ароматных запахов с самого рассвета. Пир намечается.

Няньки торопятся, боясь опоздать. Недостаточно прогревают воду, и я брыкаюсь, не желая залезать в едва тёплую.

– Не испачкала бы волосы, не пришлось бы! – ворчит Ольга, заталкивая меня в медную ванну и щедро поливая мне голову водой.

– Они чёрные! Грязи почти не видно ведь, – упрямлюсь я,

а в ответ получаю длинную тираду от обеих жёниц.

Они ворчат и отчитывают, объясняя важность встречи. Что-то говорят об отце, нашем князе, о моём брате и пользе для княжеств. Для меня же всё это скорее пустые звуки: я быстро перестаю вслушиваться в слова, бросая взгляд на подарок, поблёскивающий из кармана испачканного кафтана. Арина намывает мне волосы, а я думаю, как спрятать украшение, чтобы не заметили. Почему-то не хочу его никому показывать.

Меня вытирают, переодевают в чистое белое платье с кружевом, вышивкой и бисером. Длинные волосы расчёсывают, а на голову надевают очелье, украшенное по бокам длинными подвесками с бубенцами, дабы отпугивать нечисть и духов, которые могут пробраться в тело человека, пока он отвлечён празднованием.

Когда няни заканчивают меня переодевать, день сменяется на вечер. Мы замечаем, что княжеский двор опустел – все уже собрались в усадьбе на праздник.

– Гости прибыли, – озвучивает мои мысли Ольга, берёт меня за руку и ведёт в дом.

Другой рукой в кармане нового чистого кафтана я сжимаю подаренное украшение. Продолжаю прятать как сокровище. Почему-то эта тайна греет мне душу, будто я знаю что-то, неизвестное другим.

Под строгим взглядом нянь я поднимаю край платья и с особой осторожностью обхожу любую грязь и лужи, что-

бы не запачкать красные сапожки. В обеденный зал Ольга вводит меня через заднюю дверь, не желая привлекать внимание гостей к нашему опозданию.

– Вот и княжна наша – Веледара! – рушит все планы отец, князь ашорский, выкрикивая это приветствие при виде меня. Он со звоном ставит на стол чашу с хмельным мёдом. – Согласись, Радовид, ей хоть и шесть, но уже видно, что вырастет красавицей. Может, у тебя и сын есть в жёнихи для дочери моей?

Матушка пихает отца в бок, нагибается и что-то шепчет, а меня взмахом руки подзывает сесть рядом за стол. Мужчина с аккуратно подстриженной бородой и каштановыми волосами глубоким смехом поддерживает отца.

– Если бы был, Верест, то я бы тут же согласился. Я бы на твоём месте боялся, будь у меня такая дочь. Волосы черны как ночь, как бы Морана не захотела её себе в прислужницы.

– Хоть и комплимент ты говоришь, но страшный! – незамедлительно отвечает отец, однако в голосе нет обиды, скорее одобрение и гордость. – Надеюсь, Морана спит этим весенним вечером и не слышит твоих слов.

Я обвожу взглядом гостей. Здесь множество мужчин, почти нет женщин. Большинство лиц мне незнакомы, вероятно гости, прибывшие с князем сerratским. Уважаемый гость сидит близко к нам, в волосах ещё нет седины, но по сравнению с другими мужчинами он кажется удивительно

тощим, даже больным. Я верчу головой в поисках его жены, что должна сидеть подле, но той нет.

Алию сератскую, единственную дочь князя Радовида, я узнаю сразу. Её посадили рядом с Валадом не только чтобы они хоть немного пообщались, но и чтобы показать, что союз состоится и теперь они всегда будут сидеть рука об руку. Раньше рядом с Валадом сидела я.

Брата нарядили в дорожную красную рубашку с чёрным узором, на кафтане золотая вышивка, а на вороте мех горностая. Его чёрные волосы явно не раз расчесали. Он сидит прямо, гордо, как единственный сын нашего отца, а значит, позже он сам станет князем ашорским или сератским, а если всё пойдёт, как решили взрослые, то эта территория станет единой.

Княжна Алиа как само солнце. Её кудри золотые и сверкают не хуже зажжённых вокруг свечей. Глаза под стать им светло-карие, да настолько, что почти оранжевые, как янтарные камни в украшениях матушки. Я не могу оторвать взгляд от Алиа и не замечаю, когда мама ставит передо мной мою любимую кашу с овощами и пирог с капустой. Как замороженная, не моргаю и не отвожжу от неё глаз, даже когда чувствую запах любимого кваса совсем рядом.

Она красивая, красивее любой другой девочки, что я видела в нашем Ашоре. Однако её красота завораживает так же, как плавное движение змеи в кустах: мне и нравится на неё смотреть, и страшно шелохнуться.

– Вела, ешь, – тихо окликает матушка.

Я повинуюсь, деревянной ложкой зачерпываю кашу, но продолжаю смотреть на княжну. Брат наклоняется к ней, что-то рассказывает, и на лице Алиш появляется смущённая улыбка. Валад смелеет и продолжает говорить, активнее взмахивая рукой. Теперь девочка тихо смеётся, вежливо прикрывая рот ладонью.

– Мой род прерывается, Верест, – тихо говорит Радовид моему отцу. Остальные гости шумно пьют и едят, брат и Алиш не обращают на других внимания, а я не столько слушаю, сколько просто слышу эти слова, так как сижу рядом. – Моя жена умерла при родах, а меня самого время от времени берёт болезнь. Я уже чувствую, как делят моё место бояре, но пока имеют совесть и делают это шёпотом, за моей спиной.

Отец моментально становится серьёзней, слизывает медушую пену с усов, но не смотрит на собеседника, чтобы не привлечь внимания к их разговору.

– Несмотря на наши прежние разногласия, ты стал мне хорошим другом, а свою дочь я люблю, – продолжает Радовид.

– Ты уверен, что это пока лишь шёпот? Желаешь оставить дочь с нами до совершеннолетия? – уточняет отец.

– Уверен, Алишу я пока и сам защитить могу. Знаю, что если объединим мы территории, то Ашор твой останется главным городом. Красив он, не спорю. Стены высокие, до-

роги широкие да поля вокруг плодородные. Нагляделся я на ваши каменные храмы, крепкие дома и тончайшую резьбу оконных наличников. Не мог не заметить яркую киноварь да сусальное золото на твоих стенах, Верест. – Радовид задумчиво вертит в руках золотой кубок. – Раньше и на моём столе фрукты были на медных подносах, а мёд разливали в серебро да золото.

– Я знаю о твоей ситуации и долгом неурожае, известно мне и о проблемах с мертвецами с востока. Но более снизить цену на зерно не могу.

– Не нужно, в этом году столы хоть и не ломятся от яств, но и смертей от голода не предвидится. Я благодарен тебе за оказанную помощь. Однако сколько бы я ни старался, вижу, что объединение пойдёт моему народу на пользу. Но мой род горд. Мои предки владели территориями у гор многие столетия, поэтому прошу оставить в наследие память о моём княжестве.

– Оставлю, друг.

– Я буду считать это словом твоим. Если же не сдержишь – я узнаю и буду ждать тебя у Мораны, чтобы сообщить богине о твоей лжи.

Губы отца не дёргаются в подобие улыбки. Сказанное – не более чем слова, к тому же Радовид даже с мечом в руке вряд ли выглядит угрожающе. Однако Верест, наоборот, хмурится, слушая это обещание. Знают все, что лжецов Морана не любит, а шутить со смертью даже князя не

хотят.

— И ты тогда позаботься о себе, удержи власть ради дочери и нашего уговора.

— Да будет так, своё слово я тебе дал, Верест. Моя дочь для твоего сына-княжича. Мои земли для обещанного волхвами великого князя.

Я не замечаю, как запихиваю в рот ложку за ложкой, не чувствуя какого-либо вкуса. Вновь смотрю только на брата с Алией. Не знаю, что именно я ощущаю, глядя на них, но уверена, что это новое чувство мне не нравится.

— Валадан, покажи невесте, какой подарок ты для неё приготовил! — басит отец, и я так резко поворачиваю голову в его сторону, что подвески на очелье звенят и бьют меня по щекам. — Он сделал его сам!

Большая часть гостей оборачивается к юному княжичу, заинтересованная гордостью в словах князя. Мне, как и всем, интересно, что Валад сделал. Мужчины взрываются похвалой, одобрительно кричат, так что стены и столы трясутся, когда брат достаёт из-за пазухи ожерелье. Копия моей лунницы, только вся золотая с дополнительными бубенцами, и дорогого морского жемчуга так много, что почти не видно кожаного инурка. Некоторые начинают одобрительно топать ногами и хлопать в ладоши, зная, что десятилетнему мальчику такая работа далась нелегко. А я за всем этим гулом в ушах опускаю ложку обратно в кашу. Алия же в ответ дарит жениху кропотливо выполненное

кружево, которым после наши портнихи украсят кафтан брату.

Пока все радуются, я продолжаю оторопело смотреть на золотую лунницу в руках Али, а непонятное зарождающееся чувство, что мне так не понравилось, становится только сильнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.